

пользовались особым уважением, но нет оснований говорить об их обожествлении и тем более об их самоидентификации с Христом или Богородицей.

Таким образом, следует отметить научную новизну работы, где на основании обширного круга источников воссоздается многоплановая картина жизни общин христоверов в первой половине XVIII в. Автор подвергает сомнению распространенные мифы о христоверах и делает интересный вывод, что таинственное движение было тогда не столь далеким от православия, как это принято считать. Актуальность исследования заключается также в междисциплинарном подходе к теме: анализ фактического материала проводится с исторической, религиоведческой и источниковедческой позиции. Последнее следует отметить особо, ведь методика изучения судебно-следственных документов (как дореволюционной, так и совет-

ской эпохи) до сих пор остается мало разработанной.

Будучи заметным явлением в XVIII–XIX вв., христоверы в XX в. переместились на обочину религиозной жизни России, а в наши дни спорным является даже вопрос об их существовании. Как отметил А.С. Лавров, автор предисловия к работе К. Сергазиной, «у “христоверов” нет ныне здравствующих наследников, если, конечно, не считать откровенных самозванцев» (с. 5). Это утверждение нельзя считать ни полностью доказанным, ни заведомо ошибочным, ведь процесс «угасания» христовщины остается в историческом религиоведении «белым пятном». Поэтому хотелось бы, чтобы исследование Ксении Сергазиной о развитии духовной культуры христоверов не ограничилось XVIII веком, а было продолжено.

Татьяна Никольская

Roussou, Eugenia (2021) *Orthodox Christianity, New Age Spirituality and Vernacular Religion: The “Evil Eye” in Greece*. London, New York: Bloomsbury Advances in Religious Studies, Bloomsbury Academic — 216 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-338-343>

Идея, что определенный тип взгляда — сглаз или дурной глаз — обладает разрушительной силой, является очень устойчивой

и распространенной в истории человечества. Такой взгляд есть выброс негативных чувств и эмоций (злости, зависти, жадности), осо-

знанно или неосознанно направленный против их источника (например успешного человека или ценного предмета, который принадлежит другому). Со времен древнего Шумера до сегодняшнего дня присутствие идеи сглаза и разных методов противостояния ему — от целительных ритуалов до защитных амулетов — прослеживается в разных формах на многих континентах, во многих культурах и религиях. В Библии сглаз упоминается больше двадцати раз, а христианство всегда находилось в сложных отношениях с поверьями и практиками, с ним связанными, — от их отрицания до попыток инкорпорации в религиозную систему.

Новая книга Евгении Руссу «Православие, Нью-Эйдж-духовность и вернакулярная религия: вера в сглаз в Греции» предлагает детальный этнографический анализ дурного глаза в стране, где он является неотъемлемой частью повседневной жизни и фольклора. Монография издана в междисциплинарной серии *Bloomsbury Advances in Religious Studies*, в рамках которой уже несколько лет публикуются работы, совмещающие оригинальные эмпирические исследования с новыми теоретическими подходами.

Автор книги — греческий антрополог, соединяющая в этой работе свой личный опыт (как страдавшей от сглаза, так и целительницы) и пятнадцать лет соб-

ственных исследований на эту тему. Ее этнография, охватывающая разные локусы (Ретимно на Крите и Салоники в Северной Греции) и разные периоды времени (2005–2006 и 2012–2019), интересна и оригинальна по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от предыдущих работ по сглазу в Греции, Руссу проводила свои исследования в городской (а не деревенской) среде. Во-вторых, длительность ее проекта позволила уловить важные изменения в современном греческом восприятии сглаза и — шире — духовной культуре страны. Во-третьих, включение в поле этнографического исследования не только официального и вернакулярного православия, но и разных явлений, попадающих под общее понятие Нью-Эйдж, дало Руссу возможность показать динамическую, нередко полную парадоксов, картину этой культуры. Наконец, такой этнографический ракурс вместе с оригинальным теоретическим подходом позволили показать сглаз не как механизм контроля, ведущий к конформизму и подчинению обществу, давлению (как это предполагали прежние работы по теме), но как инструмент социальной агентности, выражения индивидуальных предпочтений и процесса самоопределения личности внутри группы.

Во введении Руссу объясняет аналитический потенциал сгла-

за, который — как межкультурное явление, с одной стороны, и центральный элемент вернакулярного православия, с другой — представляет собой своего рода место встречи греческой традиционной религиозности с новой для Греции духовностью Нью-Эйдж. В этой главе читатель может также ознакомиться с обзором литературы по дурному глазу в Греции и узнать про детали и методологию этнографического исследования, проведенного автором. В частности, она объясняет свою позицию как позицию «туземного антрополога» (*native anthropologist*), что позволяет ей переходить от взгляда изнутри (*emic perspective*) к взгляду извне (*etic perspective*) и обратно, а также углубить этнографическое погружение в исследуемую среду — от более стандартного «включенного наблюдения» (*participant observation*) до «наблюдающего включения» (*observatory participation*).

Вторая глава, “The New Age of Greek Religiosity: Orthodox Christianity and Beyond”, описывает центральное место православия в греческой культуре и затрагивает тему религии в городской среде страны. Здесь также обсуждаются мистические элементы православия (исихазм) и последнее, но приобретающее значительные масштабы распространение элементов духовности Нью-Эйдж в Греции.

Третья глава посвящена понятию *miatasma*, описывающему состояние бедствия, которое возникает как результат сглаза. Здесь Руссу подробно описывает симптомы этого состояния, такие как головная боль, слабость, а также ощущение, что человек находится вне себя и окружающего мира. Кроме того, автор анализирует общественно-пространственный контекст сглаза и *miatasma* — постоянное наблюдение за другими и обсуждение их действий, происходившее в «густой» социальной среде греческих городов. В конце главы она обращает внимание на «официальный» церковный вариант сглаза (*vaskania*), а также на возникновение в последнее время понятия *kalo mati* (благый глаз), которое допускает возможность, что влияние сглаза (даже негативное) происходит из-за хороших побуждений.

Следующая часть книги описывает ритуал освобождения от сглаза (*ksematiasma*). Руссу подчеркивает значение смысловых ощущений (прикосновение целителя, вкус воды и соли, звук молитвы) в процессе исцеления. Дальше она обсуждает взаимоотношения православных священников, молившихся против *vaskanii*, и светских целителей, большинство которых — женщины. Важной темой этой главы является также *afhypovoli* — самовнушение сглаза, которое ведет к постоянному поиску помощи целителя.

Пятая глава ("Creative syntheses through material culture: The evil eye in the spiritual marketplace") — самая интересная в контексте этого специального номера. Как заявляет автор, «именно материальность находится в самом центре практик дурного глаза» (*"Materiality is centrally situated in the evil eye practice."*). Итак, здесь подробно обсуждается материальная культура дурного глаза, а точнее — разновидность защитных амулетов (*matakia*). Руссу обращает внимание на популярное с недавних времен соединение разных элементов в этих амулетах — православных икон и стеклянных голубых глаз. Кроме этого соединения, в греческих магазинах и домах такие амулеты часто находятся на одной полке с предметами, относящимися непосредственно к Нью-Эйдж, — энергетическими кристаллами, символами инь и ян, и прочим. Таким способом происходит апроприация и совмещение силы предметов (или предметов силы) разных духовно-религиозных традиций для борьбы против сглаза. Однако такая апроприация вызывает ряд вопросов, на которые Руссу старается ответить. Откуда вдруг возникла в греческой культуре потребность соединить эти разные элементы? Остается ли икона, обвешенная бусами с голубым глазом, все еще почитаемой иконой или же такое «святотатство» лишает ее сакральной

силы? И наоборот — увеличивает ли защитная сила «неправославного» амулета, когда он вмещает в себе икону?

Шестая глава сосредоточена на теме современной плюрализации религиозного ландшафта Греции — возрастающего интереса к неправославным духовным практикам, таким как йога или рейки, индивидуализации греческой религиозности и ослабления гегемонии Церкви.

Наконец, седьмая глава подытоживает основные выводы книги. Кроме того, Руссу приводит здесь историю, которая отлично показывает, как глокализация Нью-Эйдж через включение его элементов в традиционные греческие практики противостояния сглазу не делает, однако, эти практики более глобальными. Когда в Лондоне автор пытается освободить от сглаза свою японскую подругу, ритуал плохо заканчивается (она не может избавиться от «негатива», который «перешел» на нее), и только интервенция нескольких целителей, находящихся в Греции, спасает ситуацию.

Книга Руссу важна для понимания современных религиозных процессов как в греческом, так и в более общем современном контексте. Она сосредоточена на «низовых» явлениях, которые происходят в повседневной жизни и вне контроля институтов религиозной или политической вла-

сти. Их картина в книге нечеткая, но это скорее является ее силой, чем недостатком, поскольку Руссу «не режет края», а наоборот — показывает многогранность явления.

С другой стороны, автору не удалось избежать нескольких проблем, которые негативно влияют на качество работы. Через всю книгу Руссу повторяет общие (и несколько осуждающие) идеи и фразы, такие как «Православное христианство утратило свое превосходство и сейчас находится в равных условиях с субъективной духовностью (*subjective-life spiritualities*). Люди поняли, что они могут освободиться от оков, накладываемых на них церковью». Место в тексте, потерянное на повторения такого рода, было бы лучше использовать для более глубокого анализа исторической роли поверий и практик, связанных со взглядом в греческом вернакулярном православии. В работе также много сравнений греческого православия с западным христианством (пятидесятничество, католицизм), но, как ни странно, практически нет отнесения к другим восточнохристианским культурам (хотя, например, традиция прикреплять амулеты в форме глаза к Евангелиям прослеживается в армянском христианстве XVIII–XIX вв.). Поскольку эти элементы отсутствуют, автор «спешит» с некоторыми выводами. Например, во введении она пишет:

Но также следует подчеркнуть то обстоятельство, что духовная харизма в современной Греции не является привилегией православных виртуозов; на это могут претендовать и вернакулярные религиозные практики. И в этом заключается уникальность отношения религии и духовности в греческом контексте. В западном социокультурном контексте конфессиональная религия и индивидуализированная духовность воспринимаются и практикуются в противоположных плоскостях и вряд ли могут сосуществовать.

Во-первых, такая формулировка как бы предполагает, что пока в Греции не появился Нью-Эйдж, народные целители глаза были лишены «духовной харизмы». Во-вторых, греческий казус не такой уж уникальный, если сравнить его с другими православными странами. В-третьих, заявление о том, что в западном контексте «конфессиональная религия» и «индивидуализированная религия» несовместимы, не кажется убедительным.

Несмотря на эти недостатки, книга будет интересным чтением для всех, кто занимается антропологией христианства или следит за сегодняшними процессами глобализации и глокализации религии. Работа Рус-

су затрагивает темы, которые мало изучены, и фиксирует важный момент в истории греческого православия — как в его инсти-

туционально-официальной, так и в вернакулярной форме.

Конрад Секерски

O'Reilly, Terence. (2020) *The Spiritual Exercises of Saint Ignatius of Loyola: Contexts, Sources, Reception*. Leiden; Boston: Brill. — 352 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-343-349>

История критических исследований ключевого труда св. Игнатия Лойолы — его «Духовных упражнений» — насчитывает чуть более сотни лет. Основной работой, определившей современное понимание и оценку *Упражнений*, является посмертный труд Жозефа де Гибера «Духовность Общества Иисуса: Исторический очерк» (*La spiritualité de la Compagnie de Jésus: Esquisse historique*, 1953)¹. После выхода этой фундаментальной книги перед исследователями встал вопрос: что делать после де Гибера? Но как оказалось, осталось еще многое. За последние 60 лет практически заново была открыта изначальная адаптивность и гибкость *Упражнений*, а также их мистическое измерение. На смену теологическому осмыслению пришел критический анализ текста как исторического документа, под-

верженного влиянию контекста. Тем не менее, до сих пор, когда речь заходит об Игнатии, многие иезуиты теряют критическое чутье и не способны выйти за рамки утверждаемого агиографией (р. xiv). Для них любое признание возможных посторонних влияний кажется принижающим оригинальность Игнатия. В свете этого нюанс работа профессора Теренса О'Рейли «Духовные упражнения св. Игнатия Лойолы: контексты, источники, восприятие», посвятившего исследованиям испанской мистики 16 в. и, в частности, работам Игнатия, более 45 лет, привлекает внимание предельной академической честностью.

Работа разделена на три практически равных по объему части, выведенные автором в заглавие: контексты (главы 1–4), источники (главы 5–8), восприятие (главы 9–12).

Автор начинает с рассмотрения первой официальной биографии жизни Игнатия, состав-

1. de Guibert, J. (1953) *La spiritualité de la Compagnie de Jésus: Esquisse historique*. Rome: Institutum Historicum Societatis Iesu.